Григорий Б. Юдин
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Субъект глазами объекта: политическая антропология полевой социологии

Благодаря антропологической критике познающего субъекта у социальных наук появился интерес к политическим предпосылкам полевого исследования. Одним из важных элементов этой ситуации является представление объекта исследования о смысле исследовательской коммуникации: как объект интерпретирует субъекта? Несмотря на важность этого вопроса для понимания собираемых эмпирических данных, в социологическом исследовании такого рода рефлексивная критика осуществляется редко.

Эта статья, опираясь на данные серии социологических исследований малых городов России, раскрывает ключевые характеристики полевой социологической ситуации и показывает, что она всегда заранее вписана в определенные политические отношения. Мы показываем, что исходно информант склонен фреймировать взаимодействие с исследователем как коммуникацию «снизу-вверх», коммуникацию с государством. Мы раскрываем основные параметры и сценарии такой коммуникации, а также показываем, как она дополняется различными тактиками «ускользания», цель которых состоит в противостоянии государственному аппарату социально-научного знания. Статья раскрывает значение политико-антропологической рефлексии исследовательской коммуникации для интерпретации результатов социологического исследования.

Юдин Григорий Борисович — старший научный сотрудник ЛЭСИ НИУ ВШЭ. Научные интересы: политическая философия, экономическая антропология, теория демократии, история социологии, общественное мнение. E-mail: gregloko@yandex.ru
Yudin Greg Borisovich — Senior Researcher, National Research University — Higher School of Economics (Moscow). Research interests: political philosophy, economic anthropology, theory of democracy, history of sociology, public opinion. E-mail: gregloko@yandex.ru
Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований («Локальное сообщество в малом городе: основания для объединения»), проект № 14-33-01339.
Я признателен Ивану Павлюткину и Алисе Максимовой за помощь в работе над этим текстом.
Acknowledgment: This work was supported by Russian Foundation for Humanities, research grant No. 14-33-01339.
I am deeply grateful to Ivan Pavlyutkin and Alisa Maximova for their comments on earlier version of this text.

Ключевые слова: политическая антропология, полевая ситуация, этнография, общественное мнение, государство

Greg Yudin, Higher School of Economics, Moscow, Russia
Object Sees the Subject: Political Anthropology of Sociological Fieldwork

Anthropological critique of the scientific subject has discovered the political premises of the fieldwork situation for the social sciences. Among the essential parameters of the situation is the object's view of the fieldwork communication: how does object perceive and interpret the subject? Although this issue is crucial for understanding the nature of the field data, sociology seldom attempts such reflexive critique.

This paper relies on the data gathered during a series of sociological studies of Russian small towns to reveal the key features of sociological field situation. We argue that field interaction is always already inscribed into particular political relations and structures. More specifically, we demonstrate that informants are likely to adopt a bottom-up view in the interaction with the researcher and frame it as a communication with the state. We discuss main parameters and scenarios enacted by this type of communication and show how it is supplemented by various tactics of 'slipping away' aiming to resist the state apparatus of social-scientific knowledge. We emphasize the significance of political-anthropological refection of fieldwork communication for proper interpretation of sociological data.

Keywords: political anthropology, field situation, ethnography, public opinion, state

doi: 10.22394/2074-0492-2016-4-57-82

Одно из ключевых достижений современной политической антропологии состоит в том, что ей удалось поместить в фокус исследовательского внимания фигуру самого исследователя и научить нас относиться к антропологическому исследованию как к части реальности, которую мы сами исследуем и создаем. Социальная наука долгое время мучительно пыталась преодолеть критику «ангажированности» знания, его детерминированности социальной структурой или узкими личными интересами и изобрести наконец для себя точку «паноптической» объективности, если использовать выражение Донны Харэуэй [Haraway, 1988]. Исследование политического смысла антропологического знания позволило избавиться от комплекса змеи, вечно кусающей себя за хвост. Антропологическое исследование всегда начинается и существует внутри отношений власти, неравенства и идеологического господства, которые определяют смысл коммуникации между исследователем и исследуемым. Нет никакого способа вырваться за пределы этого контекста и занять позицию «свободно парящей интеллигенции» —

это означало бы полностью игнорировать жизненный мир изучаемых сообществ.

Любое эмпирическое знание возникает в полевой ситуации, которую лишь отчасти формирует исследователь. Один из структурных элементов полевой ситуации — интерпретация коммуникации самим исследуемым сообществом. Конечно, интерпретация ситуации ее участниками меняется в зависимости от действий других участников, поскольку все они стараются нормализовать ситуацию, согласовать свои концепции происходящего и подстроиться под партнеров. Тем не менее рамки таких неявных переговоров всегда задаются заранее существующими отношениями и сформировавшимися представлениями участников друг о друге. По этой причине любое знание, возникающее в ситуации полевой коммуникации, будет нести на себе след смыслов, которыми эту коммуникацию наделяет тот, кто выступает в качестве объекта исследования. Наиболее опасная ошибка состоит в том, чтобы игнорировать эти смыслы.

«Взгляд объекта на субъект» — особая проблема, которая не сводится к минимизации разного рода эффектов, интересующих профессиональных методологов. Задача устранить «эффекты интервьюера», по возможности приблизив сбор информации к автоматизированной процедуре, предполагает объективистскую и внеконтекстуальную модель знания, которая в современной политической антропологии подвергается систематической критике [Rosaldo, 1993; Rabinow, Marcus, Faubion, 2008; Ortner, 2006]. Вместо этого реконструировать смысл антропологического взаимодействия с точки зрения объекта исследования — значит понять, каким образом следует интерпретировать получаемые в ходе исследования эмпирические данные.

Антропологическая критика позиции субъекта лишь в ограниченной мере была проведена за пределами антропологии. Хотя интерпретация исследования его объектом кардинальным образом меняет смысл получаемых данных в любой исследовательской области, мы по-прежнему мало знаем о политических параметрах исследовательского взаимодействия в социологии. В России, где регулярные социологические исследования институционализировались в обществе лишь три десятка лет назад, ответ на вопрос, как респонденты видят смысл взаимодействия с социологом, пока неизвестен. Разумеется, этот ответ невозможно получить прямым образом (например, спросив респондента в ходе массового опроса о том, доверяет ли он данным опросов и зачем в них участвует), поскольку такой ответ сам будет иметь смысл только внутри проблематизируемого взаимодействия.

Этнография дает шанс косвенным образом восстановить смысл, которым объект исследования наделяет взаимодействие с социальным исследователем. В данной статье мы с опорой на данные собственных

регулярных этнографических исследований малых городов России укажем на некоторые стандартные рамки интерпретации, которыми информанты пользуются при взаимодействии с социологом. Таким образом, здесь будет предложена реализация политико-антропологической программы критики субъекта применительно к фигуре социолога в условиях малого города. Мы сначала продемонстрируем, каким образом в классической антропологии наблюдатель становится «слепым пятном», а затем покажем, как эта ситуация корректируется в результате «рефлексивного поворота». Используя эту методологию, мы реконструируем фигуру социолога в поле глазами объекта и покажем, что взаимодействие с социологом аналогично взаимоотношению с государством: это, во-первых, взаимодействие «снизу-вверх», а, во-вторых, взаимодействие «против порядка», в ходе которого социолог рассматривается как носитель упорядоченной эпистемы, которая всегда заведомо неадекватна наблюдаемой реальности.

Цель предлагаемого анализа полевой ситуации — не дать окончательную реконструкцию, но инициировать обсуждение того, как фигура социолога интерпретируется в поле, и выдвинуть некоторые базовые предположения на этот счет. Мы хотели бы показать, как анализ коммуникативных параметров взаимодействия между исследователем и респондентом позволяет выявить его политические предпосылки и ограничения.

Взгляд из ниоткуда: устранение субъекта в политической антропологии

Во введении к «Аргонавтам Западной части Тихого океана», методологическом манифесте современной антропологии, Бронислав Малиновский вводит «включенное наблюдение» в качестве базового метода этнографического исследования. При этом он пишет: «Результаты исследований в любой области науки должны быть представлены абсолютно непредвзято и беспристрастно. Никакой экспериментальный вклад в физические или химические науки невозможен без детального отчета о подготовке эксперимента, тех приборов, которыми пользовались, и того способа, которым проводились наблюдения... В этнографии, где точный отчет о подобных данных кажется, пожалуй, еще более необходимым, в прошлом он, к сожалению, не всегда представлялся в достаточном объеме, и многие авторы давали весьма скупое представление о своей методологии, то есть того, как они ориентировались среди фактографического материала, извлекая его для нас из непроницаемой темноты» [Малиновский, 2004, с. 22].

Последующая история использования включенного наблюдения как «мягкого», почти герменевтического метода, не должна засло-

нять от нас то, что целью методологии Малиновского было создать позитивную науку, которая в своей объективности ориентируется на естественнонаучное знание. Для этой модели науки наблюдатель является, с одной стороны, условием возможности познания, а, с другой — помехой, которая препятствует непредвзятости ввиду своей фактичности и пристрастности. В наблюдателе всегда сосуществуют две инстанции: одна — познающий трансцендентальный субъект, руководствующийся чистым научным интересом, а другая — эмпирический субъект, загрязняющий экспериментальную работу подобно плохо настроенному прибору.

Методологическая программа, которую Малиновский предлагает антропологии, состоит в том, чтобы элиминировать наблюдателя. Однако в отличие от более поздних попыток выстроить исследование в социальных науках по лекалам позитивизма, игнорирующих наблюдателя и сводящих научную задачу к установлению соотношений между фактами и формальным языком теории [Blalock, 1969], Малиновский осознает, что в антропологии наблюдатель сам является главным исследовательским инструментом. Процедура поэтому всегда состоит в том, чтобы привносить в поле собственную фактичность наблюдателя и одновременно фиксировать ее, определяя таким образом искажение собираемых данных. Методические процедуры, которые предлагает Малиновский, нацелены именно на разделение этих двух ипостасей этнографа. Наилучший способ провести это разделение — объективировать его в письме, поскольку именно письмо создает элементарное отчуждение субъективного опыта и формирует пространство для безличной науки [Marcus, 1986, p. 264]. Именно эту функцию Малиновский закрепляет за графической практикой антрополога: «этнограф, если он стремится, чтобы ему поверили, должен ясно, в сжатом виде и в форме таблиц показать, где в основании его исследования лежат непосредственные наблюдения, а где — опосредованная информация» [Малиновский, 2004, с. 33]. «Опосредованная информация» — это все недостоверное и ненадежное, прошедшее через искривление антропологом и потому подлежащее методической ректификации.

Идея долговременного включенного наблюдения, которая сделала Малиновского пионером современной антропологии, возникает из необходимости устранить из исследования специфику колониальной ситуации. Колониальная администрация, обрабатывающая всю информацию через призму своих политических и культурных функций, выступает главным барьером на пути объективного антрополога. Вместе с этим сам абориген, помещенный в позицию рассказчика, не в состоянии отрефлексировать собственные институты так, как это способен сделать методичный наблюдатель со стороны.

Рассматривая всю полевую ситуацию в целом как источник искажения объективности, Малиновский подверг тщательному анализу все ее элементы. Наивные предположения и предрассудки, которые привносит в поле антрополог, — это одна часть возможных искажений; колониальная администрация с собственными целями — другая, рефлексивные ограничения аборигена — третья. Однако кроме этого существуют еще и предпосылки, которыми располагает абориген, вступая во взаимодействие с антропологом. В зависимости от того, каким образом объект классифицирует исследователя и интерпретирует взаимодействие с ним, он будет представлять и открывать ему один тип информации и скрывать другой. Малиновский хорошо осознавал это, хотя и не успел сделать основательных комментариев об этом, оставив свои рассуждения в виде набросков к «Главе о полевых техниках» [Kuklick, 2011, p. 16].

Хотя Малиновский понимал, что осознать значение взгляда объекта для хода исследования — это получить для исследователя возможность варьировать самопрезентацию, он все же не вышел за пределы игры с разными ролями, которые предполагает колониальное взаимодействие, потому сама колониальная ситуация не попала в фокус внимания. Когда Э. Эванс-Притчард в ходе классического исследования политической организации нуэров захотел узнать у нуэра дорогу, ему указали неверный путь, объяснив это так: «Ты чужой, так почему мы должны показывать тебе правильный путь? Если бы даже посторонний нуэр спросил у нас о дороге, мы бы ему сказали: „Иди прямо по этой дороге“, но не сказали бы, что она разветвляется. Зачем нам ему говорить правду?» [1984, с. 162]. Эванс-Притчард понял, что идентичность нуэра (его принадлежность к определенному линиджу) всегда относительна и в конечном счете зависит от того, кто его спрашивает [Там же, с. 133]. Это открытие было исключительно важным для исследования, которое Эванс-Притчард делал по нуждам колониальной администрации в Южном Судане, пытавшейся понять, как функционирует политическая структура нуэров. Однако даже это открытие не позволило ему в полной мере осознать, что не только информация о дороге или об идентичности, но и все содержание коммуникации с исследователем неизбежно зависит от того, как абориген вписывает исследователя в доступные схемы классификации [Rosaldo, 1986, p. 91].

Сегодня может показаться странным, как последовательно и настойчиво антропология на протяжении долгого времени игнорировала эту ситуацию именно там, где, казалось бы, политические проблемы колонизации должны были стать ее первейшей заботой. Однако на это игнорирование стоит обратить внимание, чтобы понять, как оно сохраняется и воспроизводится в исследовательских полях, которые остались не затронуты антропологической критикой субъекта.

Рефлексивный поворот

Интерес к тому, как абориген воспринимает полевую ситуацию, возник в 1960-е годы. Одной из причин стала публикация знаменитых дневников Малиновского, из которых выяснилось, что в научных работах он умолчал о своем проблематичном отношении к аборигенам на Тробриановых островах [Malinowski, 1989]. Пока его официальная программа призывала к поиску человеческого единства путем исследования уходящих культур, сам Малиновский тяготился тробрианцами и испытывал к ним явную агрессию. Учитывая предложенную им самим концепцию антрополога как живого инструмента, подлежащего ректификации, эти ремарки в дневниках не могли не потревожить методологическое ядро дисциплины. В разгоревшейся дискуссии звучали совершенно разные взгляды на то, каково значение дневников для антропологии, включая наиболее радикальные. Так, ученик Малиновского Рэймонд Ферт [Firth, 1989] во введении поначалу пытался принизить важность публикуемого материала, в то время как Клиффорд Гирц [Geertz, 1967] в своей рецензии объявил, что дневники бьют по тому образу антропологии, который она сама себе составила (что впоследствии вынудило Ферта согласиться с тем, что он недооценил методологическое значение дневников). Наиболее существенно, что дневники представляют собой особую форму рефлексии дистанции между исследователем и его объектом — дистанции, которая порождается полевой ситуацией.

Впрочем, к моменту публикации дневников уже появился язык для того, чтобы дать политико-антропологическую характеристику практике исследования. Он начал развиваться во Франции, где в 1950 году Мишель Лейрис выступил с докладом «Этнография перед лицом колониализма», в котором заявил, что «независимо от того, хотят ли этого сами этнографы, этнография оказывается тесно связанной с реальностью колониализма» [Leiris, 1969, p. 85]. Из этого факта для Лейриса следует, что оставаться индифферентным к судьбе изучаемых культур для этнографа невозможно даже при всем желании. Как правило, нейтральное и объективистское отношение к объекту означает просто работу на воспроизводство существующих отношений власти: если наблюдатель воображает себе дистанцию, которая позволяет ему сохранять видимость объективности, то эта дистанция создается и воссоздается в действительности через элементарные оппозиции (развитые/развивающиеся общества, традиционные/современные культуры, научно-рациональные/религиозно-аффективные образы мышления). Все эти оппозиции, которые антрополог использует для оправдания собственного статуса наблюдателя, реальны по своим последствиям и продолжают структурировать как жизнь изучаемых сообществ, так и их взаимоотношения с изучаю-

щими. Для Лейриса это означает, что необходимо заранее выбирать политические последствия, которые желает исследователь, и исходя из этого строить взаимодействие с объектом. Сам Лейрис выбирает позицию поддержки освободительных движений [Ibid., p. 100].

В англоязычном мире эпистемологическое значение деколонизации разъясняется несколько позже, после протестов 1968 года. В 1971–1972-х годах голландский антрополог Боб Схольте пишет статьи, в которых предлагает «рефлексивную антропологию» в качестве ответа на распространившееся разочарование в смысле существования дисциплины [Scholte, 1971; 1972]. Схольте обращает внимание на то, что колониальный период в антропологии был тесно связан с парадигмой «свободной от ценностей науки», которая давала антропологу надежную легитимацию собственной объективности, заслоняя от него самого политический смысл его деятельности. Это обнаружилось в ситуации деколонизации, когда привычный режим деятельности стал политически невозможен и привел к эпистемологическому кризису. Логика Схольте во многом повторяет рассуждения, которые в отношении социологии предложил Элвин Гоулднер [Гоулднер, 2003]: критика эпистемы «свободы от ценностей», которая распространилась в англоязычной науке в результате искаженной интерпретации веберовского постулата «свободы от оценки», приводит к необходимости заменить ее «рефлексивной наукой». Как пишет Схольте, «этнографическая ситуация определяется не только обществом, которое изучается, но и этнологической традицией в голове этнографа. Его предпосылки начинают действовать еще до того, как он вошел в поле. Когда он туда входит, действовать начинают также и предпосылки местного населения, так что вся ситуация превращается в сложное межкультурное взаимодействие» [Scholte, 1972, p. 438]. Это взаимодействие, с точки зрения Схольте, и должно стать основным предметом интереса рефлексивной антропологии.

Талал Асад обратил внимание, что антропологи (многие из которых испытывали искреннюю симпатию к изучаемым сообществам) отличались обескураживающей слепотой к институтам колониальной власти в своих исследованиях политической организации [Asad, 1973, p. 108–109]. Многие не обращали внимания на здание колониальной администрации даже тогда, когда оно постоянно было у них на глазах, и продолжали рассматривать политическое сообщество, как если бы оно было автономным. Властные отношения между сообществом и колонизатором и властные отношения внутри сообщества как будто бы образовывали две параллельных реальности, наделяя антрополога возможностью выбрать одну из них. Естественно, влияние колониального режима на всю структуру организации местного политического сообщества ускользало от антропологического взгляда, а вместе с этим невидимой становилась и проблематичная позиция самого антро-

полога. Если наблюдатель и способен мысленно вынести за скобки межкультурный контекст взаимодействия, чтобы сосредоточиться на том, как устроено сообщество внутри, то сами члены сообщества не проводят такой эпистемической операции. Для них наблюдатель всегда так или иначе вписан в уже сложившиеся отношения господства, где внутренняя жизнь не может быть четко отделена от внешней.

Результатом рефлексивного поворота в политической антропологии стала революция в методологии этнографического исследования. Фактичность антрополога и межкультурных отношений, в силу которых он оказался в поле, требовалось как-то учесть. В отличие от рецепта Малиновского, который стремился зарегистрировать эту фактичность, чтобы потом избавиться от нее, рефлексивные этнографы стали намеренно вписывать ее в собственный нарратив. Вместо взгляда ниоткуда, всегда не дотягивающего до полноценной паноптичности, антрополог с его исследованием стал рассматриваться как часть описываемой ситуации.

Ряд исследований на рубеже 1970–80-х годов выполнены в жанре, который можно назвать «испорченным полем»: их авторы сконцентрированы на собственном проблематичном и не всегда успешном опыте коммуникации с изучаемым сообществом [Rabinow, 1977; Crapanzano, 1985; Dwyer, 1987]. Это позволяет обратить внимание на то, как устанавливается контакт, почему коммуникация сбоит и благодаря чему ее удается поддерживать и ремонтировать. Пол Рабиноу подчеркивает, что «информант … вынужден интерпретировать собственную культуру, а также культуру антрополога. То же самое относится и к антропологу» [Rabinow, 1977, p. 151]. Интерпретативное усилие информанта играет ключевую роль, поскольку ему предстоит как-то вписать антрополога с его задачами в собственное мировоззрение, чтобы определить, какого рода информацию он антропологу предоставит. Для антрополога же, чтобы осознать рамку, в которой он интерпретирован информантом (и соответственно понять смысл сообщенных данных), необходимо описать процесс взаимодействия, обращая внимание на сигналы, по которым можно ответить на вопрос, кем он предстает перед собственным объектом.

Благодаря влиянию работ Мишеля Фуко о знании и власти [Foucault, 1980; 2010] в антропологии укоренилось представление, что любая эпистема неизбежно вписана в определенные политические отношения и конструирует или деконструирует господство [Fabian, 2014; Gupta, Ferguson, 1997; Stoler, 1995]. У любого научного знания имеются социальные условия его возможности, предпосылки его возникновения и его роль в существующей системе правления. Ключевым агентом, предъявляющим спрос на социально-научное знание и использующим его в целях управления, выступает государство — его административные практики основываются на со-

циально-научных классификациях, перформативным образом распространяют эти практики по объекту управления и делают мир понятным для взгляда правителя [Скотт, 2005].

За иллюзией всевидящего ока скрывается правящее око, для которого критически важно упорядочивать социальную жизнь, навязывать формы, которые сделают ее послушной и заставят течь предсказуемым образом. Антрополог всегда приходит в ситуацию, когда его объект уже знает об этой функции социально-научного и статистического знания, и потому всегда склонен воспринимать взгляд ниоткуда как взгляд государства. За данным конкретным исследователем всегда стоит традиция, в рамках которой этнографы ранее выступали как классификаторы от имени государства и соответствующим образом устраивали свое знание. Как показывает Николай Ссорин-Чайков [2011], практики административной классификации неразрывным образом связаны со структурой этнографического знания в СССР. И хотя политическая история советской этнографии все еще не написана, эти факты показывают, как мог бы выглядеть контур такого повествования[1].

Взгляд «снизу-вверх»

Антропологическая критика наблюдателя применима к любой социальной науке, поскольку любая социальная наука оперирует в рамках сложившихся политических отношений и так или иначе позиционируется по отношению к ним. Однако эта критическая программа так и не получила последовательного распространения за пределами антропологии. Хотя рефлексивная программа была отчасти заимствована из критической социологии, в социологии так и не возникло полноценного анализа соотношений власти в полевой ситуации. «Рефлексивная социология» Пьера Бурдье [Bourdieu, 1988] сосредоточилась преимущественно на исследовании «академического бессознательного» социального ученого — предпосылок, которые он незаметно для самого себя проецирует на полевой объект. Хотя Бурдье [2011] обращал внимание на методическое значение образа исследователя, формирующегося у объекта, эти соображения пока не стали основой эмпирического исследования.

1 Отношения между этнографом и изучаемым сообществом стали предметом дискуссии, инициированной журналом «Антропологический форум» [Отношения антрополога и изучаемого сообщества, 2016]. Этот обмен мнениями сфокусирован на проблеме «возврата данных»: как следует возвращать полученные этнографом данные сообществу в российских условиях, и вообще в какой форме надлежит учитывать интересы сообщества. Заметим, что ответ на этот этически и методологически важный вопрос также зависит от политических предпосылок коммуникации исследователя и информантов.

Ключевая причина, по которой критика субъекта оказалась ограничена антропологией, очевидно, кроется в сильном дискурсе о Другом, существующем в этой дисциплине. Поскольку «альтеризация» аборигена (превращение его в радикально Другого) долгое время выступала одновременно основным эпистемическим приемом и фундаментальной колониальной техникой классификации, взаимодействие между исследователем и его объектом оказалось легче разложить на составляющие. В то же время эмпирическая традиция в социологии обычно исходит из того, что общие основания между исследователем и исследуемым не проблематичны, поскольку они принадлежат к одному обществу. Отсутствие языковых и заметных культурных барьеров подталкивает к тому, чтобы предполагать почти идеальное взаимопонимание между интервьюером и интервьюируемым, общность их понимания полевой ситуации. Даже если социологии и удалось избавиться от представления о собственной независимости от мира политических интересов [Habermas, 1972], она так и не проблематизировала полевое взаимодействие с точки зрения того, как оно обусловлено политико-эпистемической асимметрией между исследователем и исследуемым.

В российских условиях эта асимметрия практически не подвергалась систематической рефлексии, если не считать методического дискурса, направленного на минимизацию разнообразных эффектов интервьюера, как если бы можно было отделить интервью от более широкого контекста социологического исследования. Существующие работы по истории отечественной социологии показывают, что ее встроенность в систему государственного управления со времен Советского Союза формировала и ее повестку, и ее язык [Филиппов, 2014][1]. Работы Бориса Докторова [2005; 2006, гл.10] об истории изучения общественного мнения в СССР позволяют увидеть сопротивление со стороны государства, с которым сталкивалась идея сбора данных об общественном мнении. Однако каким образом эта политическая контекстуализация отразилась на взаимодействии между интервьюером и интервьюируемым, как опросы повлияли на публичный образ социологии — все эти вопросы остаются за пределами историко-научных исследований.

Ниже мы попытаемся дать пробные ответы на эти вопросы с помощью методов этнографического исследования. Опираясь на материалы полевого исследования, проведенного исследовательской груп-

1 При этом большинство работ носит преимущественно историографический характер и не содержит политико-антропологического анализа социологического знания, ограничиваясь отдельными ремарками об «ангажированности» [Фирсов, 2012].

пой в малых городах России в 2010–2016-х годах[1], мы реконструируем некоторые ключевые черты взгляда на исследователя, которые были зафиксированы в полевом опыте. В ходе исследования мы экспериментировали с формами самопрезентации, однако во всех случаях представлялись как социологи. Таким образом, полученный материал отражает восприятие исследуемыми сообществами некоторой обобщенной фигуры социолога. Следует оговориться, что с точки зрения методологии и логики социологического исследования массовый опрос общественного мнения и этнография локального сообщества — это два разных и даже противоположных жанра. Однако для респондента эти различения, как правило, нерелевантны, он руководствуется обобщенным образом социолога. Поэтому, хотя обсуждаемые здесь особенности коммуникации относятся в первую очередь именно к той социологии, которая действует методом исследования локальных сообществ, они могут многое сказать и о характере коммуникации между интервьюером и респондентом при использовании иных методов, например, в массовых опросах. Существенное отличие этнографии состоит в том, что она благодаря меньшей формализации дает куда больше возможностей для рефлексии коммуникации. Впрочем, параданные, результаты метакоммуникации, возникающей в рамках массовых опросов, также являются весьма продуктивным материалом для анализа [Рогозин и др., 2016].

Смыслы отказа

Момент входа в поле вызывает наиболее радикальное осознание, что взаимодействие с объектом требует особой методологии, как проницательно заметил Малиновский («представьте себе, что вы вдруг со всем своим снаряжением остались одни на тропическом берегу около туземной деревни...» [2004, с. 23]). Достаточно произнести «я провожу социологическое исследование», чтобы ощутить зависимость от того, каким образом фигура социолога воспринимается объектом. Наиболее тревожная (но в то же время весьма информативная) форма реакции — отказ от беседы. Мы упорядочивали причины отказов в дневниковых записях, в результате чего можно составить следующий перечень.

1 Совместный проект лаборатории экономико-социологических исследований НИУ ВШЭ и социологического клуба «Город». Для исследования выбирались малые города центральной и северной части России: Кологрив, Гороховец, Старая Русса, Мышкин, Каргополь, Тотьма. Эмпирический материал собирался преимущественно методами глубинного биографического интервью и включенного наблюдения. В данном тексте некоторые имена и фактические данные изменены в целях сохранения конфиденциальности.

1. *Перенаправление запроса.* Респонденты часто отказываются идентифицировать себя с объектом исследования, выражая это в формулировках «я вам ничего интересного не могу сказать», «я обычный человек, вы от меня ничего не узнаете» и «поговорите лучше с [имя авторитетного в городе человека]». Хотя такая реакция может быть формой вежливо выразить отсутствие интереса, примечательны коммуникативные предпосылки такого дискурсивного хода. Социологическое интервью по умолчанию воспринимается как интервью с носителем определенного символического капитала, с тем, кто знает «больше других». С одной стороны, эта форма выдает смешение с журналистским интервью (для которого нужны информированные собеседники), а с другой — указывает, что в качестве естественного информанта рассматривается некоторый эксперт, представитель сообщества, который в состоянии сформулировать нормативно правильную картину. Соответственно интервьюер в этой системе предпосылок рассматривается как тот, кто предъявляет запрос на такие нормативно санкционированные ответы.

2. *Отрицание прагматического смысла*. В других случаях респонденты пытаются с самого начала перевести диалог в утилитарную рамку: «это все равно ничего не изменит», «а какой смысл?». За такими формами определенно стоит представление о социологии как о спутнике агентов изменения, в которых респондент уже успел разочароваться. Субъект исследования отождествляется с субъектом администрирования или политического действия, предполагается, что такие субъекты либо отсутствуют, либо не имеют желания выполнять свои обязанности. Несложно догадаться, что в той мере, в какой в качестве административного субъекта рассматривается государство, это короткое прагматическое рассуждение адресовано именно ему. В целом оно выражает недоверие политической системе гражданского участия, отказ от поддержания функции обратной связи, которая связывается с социологическим исследованием.

3. *Конфронтация.* Иногда респонденты реагируют более жестко и ставят интервьюера в позицию оправдывающегося: «да что, вы сами не видите?», «мы никому не нужны». В некоторых случаях за этим могут следовать наборы претензий к власти, однако перевести ситуацию в формат управляемого интервью не удается. В этом случае зазор между исследователем и администратором еще меньше: резкость, с которой респондент общается с социологом, адресована не ему, а чиновнику, который с ним идентифицируется.

4. *Подозрение.* Дискурсивные формы, которые выражают опасение и подозрение, могут отчасти указывать на источник страха. Хотя страх может быть иррационален и не направлен на кого-то конкретно, ответы «а вам зачем?», «вы потом куда-нибудь сообщите» и «зачем мне неприятности» показывают, что сбор социологических данных связывается с функцией наблюдения. В условиях малого города с не-

доверием относительно легко справиться, активизировав систему личных контактов, однако следует иметь в виду, что до того, как исследователь выстраивает контакты и занимает в местном сообществе определенное временное место, он рассматривается как чужак. Соответственно канал, который он использует для закрепления в сообществе, будет иметь влияние на получаемые результаты [Rabinow, 1977].

Коммуникативные характеристики интервью

Если исходный барьер удается преодолеть и интервью продолжается, указанные варианты восприятия не исчезают, а, наоборот, направляют интервью по определенному коммуникативному сценарию. Так, перенаправление запроса переходит в десубъективацию. Самой трудной оказывается задача взять интервью у горожанина как у автономного субъекта, не эксперта, иными словами — наиболее трудна самая обыденная задача полевого исследователя. Любой, даже вымышленный предлог, который позволит обратиться к горожанину как к носителю специфического знания, существенно повышает шансы на успешное интервью. В противном случае респонденты зачастую рассматривают себя как лишенных субъектности и подбирают слова в поисках дискурса, который, по их представлениям, ищет интервьюер. В таких случаях рассказ от первого лица может вытесняться формами третьего лица множественного числа. Это особенно характерно для вопросов о политике.

> И: А расскажи, почему ты на выборы не ходишь? Неинтересно?
> Р: На выборы?.. Ну, я знаю, что хороший человек придет к власти. Как, например, Владимир Владимирович. Хоть Дмитрий Анатольевич (смеется). Я обоих люблю.
> И: Да нет, вот местные выборы.
> Р: И Уткин. Я думаю, что победит... Уткин, да? Да, да, да.
> И: А почему?
> Р: Почему?.. Потому что... (длительное молчание)
> И: Для города много делает?
> Р: Ну да... Нет.... Потому что навряд ли что-то захотят изменить.
> И: Сами жители? Кто не хочет ничего менять?
> Р: Ну, может, и не жители. Небожители.
> *(Женщина, продавец)*

Ощущение недостатка прагматического смысла, которое характерно для многих респондентов, приводит к смене фрейма взаимодействия. Вероятность получить интервью повышается, если наделить его иной целесообразностью, например, изменить легенду на «мы студенты, нам в институте поручили для практики взять интервью». Хотя для респондента в таком случае беседа может лишиться всякой личной выгоды, он зачастую более склонен к кооперативности.

Это соображение разбивает бытующую на уровне здравого смысла «теорию рационального респондента», тщательно взвешивающего все выгоды и издержки от участия в интервью. Высока вероятность, что респондент согласится на беседу, если будет уверен в прагматике данного конкретного взаимодействия (а не в собственном выигрыше). Напротив, все становится на свои места, если исходить из того, что фреймом по умолчанию является «государственная инспекция»: поскольку этот фрейм для функционирования предполагает обратную связь, отсутствие веры в работу обратной связи толкает к поискам альтернативных способов определения ситуации. Если такие способы удается найти, они могут побудить респондента к разговору[1].

С методологической точки зрения стоит обратить внимание, что возможностей манипуляции с фреймами взаимодействия у исследователя становится больше по мере того, как он встраивается в структуру изучаемого сообщества, и круг его непосредственных интересов начинает пересекаться с интересами респондентов, т.е. когда у него обнаруживаются личные, не отстраненно научные ставки в изучаемой реальности. По ряду причин исследователю часто удобно занимать позицию зиммелевского чужака, который «не укоренен в единичных составляющих или односторонних тенденциях группы», и потому «всем им он противостоит с особой установкой того, кто объективен» [Зиммель, 2008, с.11; Manyoni, 1983; Pels, 1999]. Однако эта отстраненная позиция сильно сокращает репертуар фреймов, с которыми исследователь может работать. Напротив, когда респондент понимает, что исследователь вовлечен в процесс лично, формальная коммуникация начинает ломаться, как это произошло в знаменитом случае Гирца [2004], который разговорил информантов, только спасшись вместе с ними от полицейской погони. Разумеется, такие возможности появляются только в ходе фокусированного исследования. Интервьюер в рамках краткосрочного формализованного социологического опроса должен иначе доказывать респонденту личную заинтересованность, чтобы сломать базовый фрейм.

Следующий фрагмент отражает стремление респондента выбрать из ряда доступных фреймов наиболее адекватный для классификации исследователя, проведшего в поле длительное время. Показательно, что этот диалог возникает ближе к концу интервью, таким образом, работа по переопределению происходящего может происходить в течение всей беседы.

1 Мы не обсуждаем здесь ценность получаемых таким образом данных. Информация, полученная во фрейме «беседа со студентом, которого в институте заставляют брать интервью», имеет очевидные ограничения (как, впрочем, и в случае с любым фреймом).

Р: Ну я думаю, если вы все 18 человек [здесь] поработали, не просто же так.
И: В этом и задумка.
Р: И вы сделаете типа социального паспорта города.
И: Да, это правда.
Р: И вот видишь, [наш город] попадет в Москву, в университет, то есть это все бесследно не пройдет. Вы все равно где-то будете говорить: есть вот такой-то город, вот такая-то инфраструктура, вот такой образ жизни, вот такое все. Опять о нас узнают, опять к нам попадут туристы.
И: Конечно, все имеет свои последствия.
Р: Да, все так. И почему нужно идти с вами на контакт, это тоже будет перспектива.
И: Ну, вот не все это видят.
Р: Это же перспектива. Я же понимаю, что вы, как и мы в [нашем городе], делаем статистику, делаем социальный фактор. У нас тоже идут и социологические опросы, и работа с клиентами, и анкетирование, мы собираем по зернышку. Вы и фотографии приложите, и интервью приложите, то есть вы полностью дадите о нашем городе представление.
И: Все будет. Мы постараемся.
Р: Пусть до нас это не дойдет, но все равно это будет в работе, что ребята, столько-то человек, они были, узнавали, и я думаю, что плохого, негативного, ну, редко от кого услышишь. Может, и есть такие люди, не запрещено говорить. Но больше положительного, чем отрицательного.
(Женщина, культурный организатор Дома ветеранов)

Конфронтация, которая может быть открытой или латентной на начальной стадии разговора, может трансформироваться в жалобу в том случае, когда уговор удается поддержать. В таких случаях интервьюер опознается как непосредственный делегат властей. С одной стороны, с ним надо общаться осторожно.

И: Надежд на изменение никаких?
Р: Ухудшения могут быть скорее...
И: А от власти ничего не ждете?
Р: От какой власти?
И: Ну хоть от местной, хоть от федеральной.
Р: Ой... ну, ребят, вот давайте прямо, с какой целью? Так бы рассказал очень много.
(Мужчина, владелец лесопилки)

С другой стороны, интервьюеру следует сообщать о своих невзгодах; в крайней форме это выражается в форме «вы там передайте в Москве». Иногда жалобы могут начинаться с самого старта разговора.

И: Да, мы проводим здесь социологическое исследование, делаем социально-экономический срез ситуации в городе...
Р: В администрацию-то поставили человека...
И1: В смысле?
Р: Ну, вот, я имею в виду то, что мы вот здесь живем, у нас жалоб очень много. Но, как говорится, никаких мер вообще не предпринимается.

И1: А жалоб, в каком отношении жалоб?
Р: А вот вы сами-то посмотрите, в чем мы живем, как мы живем, вода у нас какая, привозная. Это вот надо каждый раз сорок литров флягу занести домой, также в морозы вынести. Туалет у нас вот, представьте, вот, я с тремя детьми с маленькими. Мороз, жара, мы все туда. У нас, конечно, био куплен, что вот мы выносим. Ну, чего у нас, дороги, сами видите, какие. Живем мы, как сказать, вот я многодетная, да, малоимущая, я работаю в бюджетной сфере. Никаких вообще мне мер, предоставления, вот, то, что квартира, там, хотя бы, ну, двухкомнатная, то, что дети однополые, вообще ничего. Вот сколько я обращалась, сколько я писем писала, нет, ничего, без толку все. Зарплаты у нас какие, восемь тысяч, вот, представьте, я с тремя детьми восемь тысяч зарабатываю. Пять тысяч у меня уходит только за одно питание. Это обедаю я, ну, и я стараюсь не каждый день, так как надо ведь все равно и одеваться, и куда-то, и чего-то, и за школу заплатить, за школу за булочки надо отдать полторы тысячи, если на продленку ходят, это по две тысячи на ребенка, это на ребенка на одного, а их у меня двое школьников, они двойняшки, в один класс ходят. Маленький ребенок — три тысячи в садик отдать. Платы везде за все растут, вот надо квартиру оплатить, две тысячи в месяц, плюс еще свет, вода, тоже денег надо. Ну, за свет тысяча, за воду там рублей, ну, пятьсот в месяц. И вот я говорю, живем вообще, не живем, а просто-напросто выживаем.
(Женщина, сторож)

В целом подозрение, характерное для значительной части информантов, никуда не пропадает, даже если разговор удается начать. Соответственно на протяжении интервью может сохраняться фон недоверия, для преодоления которого требуются значительные усилия. Порой это недоверие столь очевидно, что респонденты не стесняются делать его предметом метакоммуникации.

Р: Чиновники, наверное, [вам] как я сейчас говорят: у нас все хорошо в городе! Все хорошо!
(Мужчина, работник в сфере турбизнеса)

Нередко такое недоверие связано с культурой проверок и ревизий, которая особенно распространена в учреждениях, но накладывает отпечаток и на жизнь людей за пределами работы. «Проверка» является куда более очевидным и ожидаемым фреймом, чем «социологическое исследование», особенно если проверкой систематически угрожает руководство. Примечательно, что в случаях, когда респонденты говорят что-то с примечанием «не под запись» или просят остановить запись, это, как правило, либо информация о неудачах, либо претензии к конкретным лицам. Эта информация интуитивно опознается как нежелательная для фиксации.

Р: Знаете, у меня первое впечатление было, когда вы пришли в нашу... Нас тут как только не пугают, нам же все время говорят: «Вот, вас будут

> мониторить, вас будут мониторить, вас будут мониторить с области». Да мониторьте вы уже, дайте нам работать, дайте нам работу выстроить! И вот первое ощущение было, что что-то с этим связано, то есть помониторить приехали.
> *(Женщина, директор культурного центра)*

Четыре отмеченных характеристики интервью (десубъективация, смена фрейма, жалоба, недоверие) могут встречаться как в рамках одного интервью, так и по отдельности. Разумеется, в некоторых интервью может не обнаруживаться ни одна из них, однако в целом это важные параметры коммуникации, которая обозначается как «социологическое исследование» или «социологический опрос». Эти четыре черты позволяют восстановить наиболее очевидный фрейм разговора, который используется респондентом по умолчанию. Это коммуникация «снизу-вверх», «прямая линия с властью»: она сильно политически окрашена, т.е. обладает выраженным политическим смыслом (даже если в ней не затрагиваются «политические» в узком смысле сюжеты). Высказывания в этой коммуникации — это в определенной степени послания наверх, даже если респондент не верит в то, что исследователь обладает существенными полномочиями. Причем интервьюер рассматривается не как самостоятельный агент, а как представитель власти. Независимо от его желания респондент задает себе вопрос: «кто здесь может наблюдать?», и воспринимает исследователя как смотрящего «глазами государства».

Ускользание

Скотт указывает на то, что упорядочивающие эпистемические практики государства неизбежно порождают разрастание области нетехнологического локального знания, которое не может быть подчинено, но само содержит в себе способ сопротивления подчинению. Это знание, которое Скотт называет «метисом», противопоставлено научному знанию и относится к нему с недоверием, в то время как для науки характерно презрение по отношению к метису [Скотт, 2005, с. 511]. Научное знание при этом отождествляется с государственным, поскольку для него характерна логика тотального упорядочивания и поиска универсальных принципов. Метис же всегда лучше приспособлен для понимания текущей ситуации и не может схватываться аппаратами научного знания. Поэтому ситуация, в которой обнаруживается конфликт метиса с научным знанием, является индикатором того, что эта эпистемическая оппозиция выстроена вокруг государственной власти.

Скептический взгляд на социологическое исследование дополняет взгляд «снизу-вверх». Такой скепсис выполняет защитную функ-

цию, поскольку предохраняет местную жизнь от опасности быть поставленной под полный контроль. Позиция, с которой эта жизнь неизбежно неуловима и как бы проскальзывает сквозь ячейки классифицирующего аппарата, — это позиция государства, и соответствующее отношение к социологическому наблюдению свидетельствует о его тесной связи с государством в восприятии объекта.

Фигуры, обозначающие ускользание локальной действительности от сталкивающегося с ней социологического знания, возникают в дискурсе малых городов регулярно, причем нередко они проявляются как раз у респондентов с солидным научным образованием и рациональным взглядом на мир. Было бы неверно относиться к этим фигурам как к указанию на когнитивную неполноту знания или плохую настройку исследовательского инструмента. Напротив, это симптом столкновения метиса со знанием, которое опознается как рационализация сверху и потому встречает сопротивление.

> И: Вообще, это не совсем понятные вещи.
> Р: Ну так оставьте тогда непонятность себе.
> И: Ну а как? Ну, это очевидно, что многим людям это, очевидно, совершенно непонятно.
> Р: Значит, думаете не сердцем, а только головой. А когда думаешь только головой, Россию не поймешь никогда.
> И: А много здесь людей думает сердцем?
> Р: А вы думаете сердцем?
> И: Я думаю сердцем.
> Р: Не похоже.
> И: Почему?
> Р: Абсолютно не видно из того, что мы говорим. Я понимаю, что опросы ваши добротно провокационные, это правильная постановка вопроса абсолютно.
> И: Ну, как сказать, у каждого...
> Р: Она научная.
> *(Мужчина, директор музея)*

Оппозиция «сердце/голова» имеет в политической антропологии богатую историю. Проблема «акефальных», т.е. безгосударственных обществ беспокоила исследователей с первой половины XX века, поскольку такие общества представляли существенные трудности для колониальной администрации [Fortes, Evans-Pritchard, 1947]. Впоследствии примитивная классификация обществ на тип А (с централизованной властью) и тип В (без централизованной власти) была отвергнута — государство имеет смысл рассматривать скорее как логику, которая воспроизводится через определенные дискурсивные практики [Gupta, 1995]. Именно в этих практиках формируется оппозиция рационального/холодного/централизованного/государственного, с одной стороны, и аффективного/жаркого/децен-

трализованного/местного, с другой. Поскольку социологическое исследование приписывается государству, оно оказывается подходящей точкой для артикуляции этих оппозиций.

Фигуры ускользания хорошо встраиваются в нарратив заброшенности, характерный для многих российских малых городов. Ощущение игнорирования со стороны центральной власти укрепляет воспринимаемый разрыв между миром центра и миром провинции. В конце концов он приводит к возникновению двух разных языков, между которыми невозможно установить коммуникацию. После того как наша исследовательская группа покинула один из городов исследования, в местной газете вышел материал, в котором центральной темой выступает молчание и взаимное непонимание.

«Какие впечатления увезли с собой в Москву [исследователи], выяснить не удалось. На вполне конкретные и простые вопросы, что им задавали, большинство предпочло отмолчаться, лишь улыбались грустно-задумчиво. Возможно, профессия обязывает быть сдержанными или почерпнутые от кологривчан сведения навели на невеселые раздумья. Как бы там ни было, но [московская исследовательская организация] должна ориентироваться не только на жителей благополучных мегаполисов, но и на обитателей нищающей глубинки»[1].

Еще один прием, который позволяет осуществить ускользание, — заявление о собственной неискренности, утаивании информации. Такие заявления перформативно противоречивы, и при этом обладают заметным перформативным эффектом, меняя течение коммуникации. Их цель состоит в том, чтобы создать картину второй, «настоящей» реальности, которая недоступна взгляду социолога: «вы думаете, вам здесь правду кто-то скажет?». Таким образом, риторически создается некая «правда», окутанная непрозрачной пеленой местного сообщества и противопоставленная наблюдателю.

Наконец, в некоторых случаях социологическое исследование рассматривается не только как неуклюжая попытка схватить местную жизнь с помощью рационально упорядоченного знания, но как угроза существующему локальному порядку. В таких случаях респонденты не просто уходят от ответа или создают фикции, а предпринимают активное сопротивление. Ускользание перестает быть пассивной тактикой «исхода» и «дезертирства» [Грэбер, 2014, с. 52-53] и превращается в контрконтроль, нацеленный на охрану и защиту текущей жизни. У респондентов возникает желание, чтобы у исследователя сформировалось определенное представление об объекте — это не просто самопрезентация перед ревизором, но опасение, что социологическое вмешательство может подорвать восприятие ситуа-

1 Маслова Г. (2010) Социологи не любят молчаливых. *Кологривский край.*

ции самим сообществом. Социолог тогда рассматривается не просто как носитель неадекватного знания, но как тот, кто способен с помощью этого знания навести свой порядок. Защитная реакция в такой ситуации выражается в том, что респондент активно навязывает определенные темы (и избегает других), стремится продемонстрировать определенные объекты (и скрыть другие). Как правило, такие техники контрконтроля наиболее активно реализуются там, где уже сложились стратегии самопрезентации сообщества, бренды или исторические нарративы, так что социологическое исследование рассматривается как попытка разрушить это растущее «снизу» знание.

Заключение

Полевой опыт всегда состоит из неудач и провалов, которые впоследствии ректифицируются с целью производства объективной научной репрезентации, в этом социальные науки ничем не отличаются от естественных [Knorr-Cetina, 2013]. Однако для наблюдателя, который лишен осознания собственной фактичности в процессе исследования, эта работа по доводке носит сугубо технологический характер. Современная политическая антропология перестала смотреть на исследование как на нейтральную репрезентацию (отражение реальности) и превратила процесс создания объективности в составную часть предмета исследования [Marcus, Fischer, 1999].

Это не снижает ценности антропологического исследования, но позволяет дополнить его теорией полевой ошибки — содержательным объяснением того, как возникают трудности в коммуникации. Вместо идеализированной картины асимптотически приближающегося к тотальной репрезентации исследования мы видим устройство реальной полевой ситуации с теми неизбежными ограничениями, которые налагают политические структуры. Поставленная Малиновским задача «учесть все искажения» может быть решена только путем построения содержательной теории, объясняющей смысл этих искажений.

В социологии пока не возникло содержательной теории полевых ошибок, и поэтому полевая ситуация социолога (не так важно, идет ли речь о стандартизированном опросе или полевом обследовании локального сообщества) описывается только формальными методологическими понятиями, измеряющими отклонения от репрезентативного канона. В данной статье мы воспользовались аппаратом антропологической критики, чтобы ответить на вопрос: «как видит социологическую коммуникацию объект исследования?». Разумеется, это частичное описание не может претендовать на раскрытие смысла полевой ситуации: предпосылки исследователя, его «академическое бессознательное» и специфический объективирующий взгляд могут быть не менее важны. Ведь у самого субъекта исследо-

вания имеется немало возможностей для активного воздействия на представления респондента.

Тем не менее предложенный здесь анализ, который основывается на нашем полевом опыте и ограничен спецификой нашего объекта (малые города России), позволяет с уверенностью утверждать, что коммуникация интервьюера с респондентом в ходе социологического исследования неизбежно структурирована существующими политическими отношениями и содержит политический смысл. Ошибочно предполагать, что совершенствование техник сбора информации может устранить политическое измерение полевой ситуации — это означало бы уничтожить саму коммуникацию.

Мы показали, что существует репертуар фреймов, из которых респонденты (а также и сам исследователь как участник коммуникации) выбирают подходящий для определения ситуации, и все эти фреймы так или иначе предполагают государственную власть в качестве незримого, но постоянно присутствующего фактора. Различные варианты взгляда «снизу-вверх» и тактики ускользания, которые естественным образом задействуют респонденты, указывают на ключевую роль государства в формировании смысла социологического взаимодействия. Поиск других значимых факторов — задача отдельной работы. Пока политическая антропология социологического исследования не построена, понять смысл получаемых в ходе такого исследования данных невозможно.

Библиография

Бурдье П. (2011) Включенная объективация. *Социологический журнал*, (5): 21–38.

Гирц К. (2004) Глубокая игра: заметки о петушиных боях у балийцев. *Интерпретация культур*, М.: РОССПЭН: 390–429.

Гоулднер Э. (2003) *Наступающий кризис западной социологии*, М.: Наука.

Грэбер Д. (2014) *Фрагменты анархистской антропологии*, М.: Радикальная теория и практика.

Докторов Б. (2005) *Первопроходцы мира мнений: от Гэллапа до Грушина*, М.: Фонд «Общественное мнение».

Докторов Б. (2006) *Отцы-основатели: история изучения общественного мнения*, М.: Центр социального прогнозирования.

Зиммель Г. (2008) Экскурс о чужаке. А. Филиппов (ред.) *Социологическая теория: история, современность, перспективы*, СПб.: Владимир Даль: 9–14.

Малиновский Б. (2004) *Аргонавты Западной части Тихого океана*, М.: РОССПЭН.

Отношения антрополога и изучаемого сообщества (2016). *Антропологический форум*, (30): 7–80.

Рогозин Д., Картавцев В., Галиева Н., Вьюговская Е. (2016) Методический аудит массового опроса, М.: Дело.

Скотт Дж. (2005) *Благими намерениями государства*, М.: Университетская книга.

Ссорин-Чайков Н. (2011) От изобретения традиции к этнографии государства: Подкаменная Тунгуска, 1920-е годы. *Журнал исследований социальной политики*, 9 (1): 7–44.

Филиппов А. (2014) Советская социология как полицейская наука. *Политическая концептология*, (3): 91–105.

Фирсов Б. (2012) *История советской социологии: 1950–1980-е годы*. Очерки, СПб: Издательство Европейского университета.

Эванс-Притчард Э. (1985) *Нуэры*, М.: Наука.

Asad T. (1973) Two European Images of Non-European Rule. T. Asad (ed.) *Anthropology and the Colonial Encounter*, London: Ithaca Press: 103–120.

Blalock H.M., Jr. (1969) *Theory Construction: From Verbal to Mathematical Formulations*, NJ: Prentice Hall.

Bourdieu P. (1988) *Homo Academicus*, Stanford: Stanford University Press.

Crapanzano V. (1985) *Tuhami: Portrait of a Moroccan*, Chicago; London: The University of Chicago Press.

Dwyer K. (1987) *Moroccan dialogues: Anthropology in question*, Long Grove: Waveland Press.

Fabian J. (2014) *Time and the Other: How Anthropology Makes its Object*, N.Y.: Columbia University Press.

Firth R. (1989) Introduction, Second Introduction. B. Malinowski. *A Diary in the Strict Sense of the Term*, Stanford: Stanford University Press: xi-xxxii.

Fortes M., Evans-Pritchard E. (1947) *African Political Systems*, London; New York; Toronto: Oxford University Press.

Foucault M. (1980) *Power/Knowledge: Selected Interview and Other Writings*, N.Y.: Pantheon Books.

Foucault M. (2010) *Archaeology of Knowledge*, N.Y.: Vintage Books.

Geertz C. (1967) Under the Mosquito Net. *New York Review of Books*, September 14.

Gupta A. (1995) Blurred boundaries: the discourse of corruption, the culture of politics, and the imagined state. *American Ethnologist*, 22 (2): 375–402.

Gupta A., Ferguson J. (eds) (1997) *Anthropological Locations: Boundaries and Grounds of a Field Science*, Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press.

Habermas J. (1972) *Knowledge and Human Interests*, Boston: Beacon Press.

Haraway D. (1988) Situated Knowledges: The Science Question in Feminism and the Privilege of Partial Perspective. *Feminist Studies*, 14 (3): 575–599.

Knorr-Cetina K. (2013) *The Manufacture of Knowledge*, Oxford: Pergamon Press.

Kuklick H. (2011) Personal Equations: Reflections on the History of Fieldwork, with Special Reference to Sociocultural Anthropology. *Isis*, 102 (1): 1–33.

Leiris M. (1969) L'ethnographie devant le colonialisme. *Cinq études d'ethnologie. Le racisme et le Tiers-Monde*, Paris: Denoël Gonthier.

Malinowski B. (1989) *A Diary in the Strict Sense of the Term*, Stanford: Stanford University Press.

Manyoni J. (1983) Eager Visitor, Reluctant Host: The Anthropologist as Stranger. *Anthropologica, New Series*, 25 (2): 221–249.

Marcus G. (1986) Afterword: Ethnographic Writing and Anthropological Careers. G. Marcus, J. Clifford (eds) *Writing Culture: The Poetics and Politics of Ethnography*, Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press: 262–266.

Marcus G., Fischer M. (1999). *Anthropology as Cultural Critique: An Experimental Moment in the Human Sciences*. Chicago: The University of Chicago Press.

Ortner S. (2006) *Anthropology and Social Theory: Culture, Power, and the Acting Subject*, Durham; London: Duke University Press.

Pels D. (1999) Privileged Nomads: On the Strangeness of Intellectuals and the Intellectuality of Strangers. *Theory, Culture & Society*, 16 (1): 63–86.

Rabinow P. (1977) *Reflections on Fieldwork in Morocco*, Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press.

Rabinow P., Marcus G., Faubion J. (2008) *Designs for an Anthropology of the Contemporary*, Durham; London: Duke University Press.

Rosaldo R. (1986) From the Door of His Tent: The Fieldworker and the Inquisitor. G. Marcus, J. Clifford (eds.) *Writing Culture: The Poetics and Politics of Ethnography*, Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press: 77–97.

Rosaldo R. (1993) *Culture & Truth: The Remaking of Social Analysis*, Boston: Beacon Press.

Scholte B. (1971) Discontents in Anthropology. *Social Research*, 38 (4): 777–807.

Scholte B. (1972) Toward a Reflexive and Critical Anthropology. D. Hymes (ed.) *Reinventing Anthropology*, N.Y.: Pantheon Books: 430–457.

Stoler A.L. (1995) *Race and the Education of Desire: Foucault's History of Sexuality and the Colonial Order of Things*, Durham, NC; London: Duke University Press.

References

Asad T. (1973) Two European Images of Non-European Rule. T. Asad (ed.) *Anthropology and the Colonial Encounter*. London: Ithaca Press: 103–120.

Blalock H.M., Jr. (1969) *Theory Construction: From Verbal to Mathematical Formulations*, NJ: Prentice Hall.

Bourdieu P. (1988) *Homo Academicus*, Stanford: Stanford University Press.

Bourdieu P. (2011) Vkliuchennaia ob'ektivatsiia [L'objectivation participante]. *Sotsiologicheskii zhurnal*, (5): 21–38.

Crapanzano V. (1985) *Tuhami: Portrait of a Moroccan*, Chicago; London: The University of Chicago Press.

Doktorov B. (2005) *Pervoprokhodtsy mira mnenii: ot Gellapa do Grushina [Pioneers of the World of Public Opinion]*, M.: Fond «Obshchestvennoe mnenie».

Doktorov B. (2006) *Ottsy-osnovateli: istoriia izucheniia obshchestvennogo mneniia [Founding*

Fathers: History of Public Opinion Studies], M.: Tsentr sotsial'nogo prognozirovaniia.

Dwyer K. (1987) *Moroccan dialogues: Anthropology in question*. Long Grove: Waveland Press.

Evans-Pritchard E. (1985) *Nuery [The Nuer], M*.: Nauka.

Fabian J. (2014) *Time and the Other: How Anthropology Makes its Object*, N.Y.: Columbia University Press.

Filippov A. (2014) Sovetskaia sotsiologiia kak politseiskaia nauka [Soviet Sociology As Political Science]. *Politicheskaia kontseptologiia*, (3): 91–105.

Firsov B. (2012) *Istoriia sovetskoi sotsiologii: 1950-1980-e gody. Ocherki [History of Soviet Sociology: 1950-1980's. Essays],* SPb: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta.

Firth R. (1989) Introduction, Second Introduction. B. Malinowski. *A Diary in the Strict Sense of the Term*, Stanford: Stanford University Press: xi–xxxii.

Fortes M., Evans-Pritchard E. (1947) *African Political Systems*, London; New York; Toronto: Oxford University Press.

Foucault M. (1980) *Power/Knowledge: Selected Interview and Other Writings*, N.Y.: Pantheon Books.

Foucault M. (2010) *Archaeology of Knowledge*, N.Y.: Vintage Books.

Geertz C. (1967) Under the Mosquito Net. *New York Review of Books*, September 14.

Geertz C. (2004) *Glubokaia igra: zametki o petushinykh boiakh u baliitsev [Deep Play: Notes on the Balinese Cockfight],* M.: ROSSPEN: 390-429.

Gouldner A. (2003) *Nastupaiushchii krizis zapadnoi sotsiologii [The Coming Crisis of Western Sociology],* M.: Nauka.

Graeber D. (2014) *Fragmenty anarkhistskoi antropologii [Fragments of an Anarchist Anthropology],* M.: Radikal'naia teoriia i praktika.

Gupta A. (1995) Blurred boundaries: the discourse of corruption, the culture of politics, and the imagined state. *American Ethnologist*, 22 (2): 375–402.

Gupta A., Ferguson J. (eds) (1997) *Anthropological Locations: Boundaries and Grounds of a Field Science*, Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press.

Habermas J. (1972) *Knowledge and Human Interests*, Boston: Beacon Press.

Haraway D. (1988) Situated Knowledges: The Science Question in Feminism and the Privilege of Partial Perspective. *Feminist Studies*, 14 (3): 575–599.

Knorr-Cetina K. (2013) *The Manufacture of Knowledge*, Oxford: Pergamon Press.

Kuklick H. (2011) Personal Equations: Reflections on the History of Fieldwork, with Special Reference to Sociocultural Anthropology. *Isis*, 102 (1): 1–33.

Leiris M. (1969) L'ethnographie devant le colonialisme. *Cinq* études *d'ethnologie. Le racisme et le Tiers-Monde*. Paris: Denoël Gonthier.

Malinowski B. (1989) *A Diary in the Strict Sense of the Term*, Stanford: Stanford University Press.

Malinowski B. (2004) *Argonavty Zapadnoi chasti Tikhogo okeana [Argonauts of the Western Pacific],* M.: ROSSPEN.

Manyoni J. (1983) Eager Visitor, Reluctant Host: The Anthropologist as Stranger. *Anthropologica, New Series,* 25 (2): 221–249.

Marcus G. (1986) Afterword: Ethnographic Writing and Anthropological Careers. G. Marcus, J. Clifford (eds) *Writing Culture: The Poetics and Politics of Ethnography*. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press: 262–266.

Marcus G., Fischer M. (1999). *Anthropology as Cultural Critique: An Experimental Moment in the Human Sciences*, Chicago: The University of Chicago Press.

Ortner S. (2006) *Anthropology and Social Theory: Culture, Power, and the Acting Subject*, Durham; London: Duke University Press.

Otnosheniia antropologa i izuchaemogo soobshchestva [Relations between Antropologist and Community in Study]. (2016) *Antropologicheskii forum*, (30): 7–80.

Pels D. (1999) Privileged Nomads: On the Strangeness of Intellectuals and the Intellectuality of Strangers. *Theory, Culture & Society*, 16 (1): 63–86.

Rabinow P. (1977) *Reflections on Fieldwork in Morocco*, Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press.

Rabinow P., Marcus G., Faubion J. (2008) *Designs for an Anthropology of the Contemporary,* Durham; London: Duke University Press.

Rogozin D., Kartavtsev V., Galieva N., V'iugovskaia E. (2016) Metodicheskii audit massovogo oprosa [Methodological Audit of Mass Surveys], M.: Delo.

Rosaldo R. (1986) From the Door of His Tent: The Fieldworker and the Inquisitor. G. Marcus, J. Clifford (eds.) *Writing Culture: The Poetics and Politics of Ethnography*, Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press: 77–97.

Rosaldo R. (1993) *Culture & Truth: The Remaking of Social Analysis*, Boston: Beacon Press.

Scholte B. (1971) Discontents in Anthropology. *Social Research*, 38 (4): 777–807.

Scholte B. (1972) Toward a Reflexive and Critical Anthropology. D. Hymes (ed.) *Reinventing Anthropology.* N.Y.: Pantheon Books: 430–457.

Scott J. (2005) *Blagimi namereniiami gosudarstva [Seeing Like a State],* M.: Universitetskaia kniga.

Simmel G. (2008) Ekskurs o chuzhake [The Stranger]. A. Filippov (ed.) *Sotsiologicheskaia teoriia: istoriia, sovremennost', perspektivy [Sociological Theory: History, Modern Age, Perspectives],* SPb.: Vladimir Dal': 9–14.

Ssorin-Chaikov N. (2011) Ot izobreteniia traditsii k etnografii gosudarstva: Podkamennaia Tunguska, 1920-e gody [From Invention of Tradition to Ethnography of State. Podkamennaia Tunguska, 1920's]. *Zhurnal issledovanii sotsial'noi politiki*, 9 (1): 7–44.

Stoler A.L. (1995) *Race and the Education of Desire: Foucault's History of Sexuality and the Colonial Order of Things*, Durham, NC; London: Duke University Press.

Рекомендация для цитирования/For citations:

Юдин Г.Б. (2016) Субъект глазами объекта: политическая антропология полевой социологии. *Социология власти*, 28 (4): 57-82.

Yudin G. (2016) Object Sees the Subject: Political Anthropology of Sociological Fieldwork. *Sociology of power*, 28 (4): 57-82.